

Вано Иванов

БОГИ НА ЖАЛОВАНИЕ.

Роман-расследование

Вано Иванов

БОГИ НА ЖАЛОВАНИЕ.
Роман-расследование

«Автор»

2025

Иванов В.

БОГИ НА ЖАЛОВАНИЕ. Роман-расследование / В. Иванов —
«Автор», 2025

Читатель! Прежде чем швырнуть сию книгу в печь, запасись хладнокровием. Мы с тобой отправляемся не в тихий храм, а на кровавое поле брани, где сшибались не армии, а ИДЕИ. Где перо было острее меча, а свиток — тяжелее щита. Где под позолотой алтаря скрывалась простая, корыстная, человеческая ЖАДНОСТЬ — жажда власти над душами. Мы выследим главных "редакторов" истории. Не пророков — нет! Мы найдем тех, кто стоял у них за спиной: жрецов с ледяными сердцами, императоров с душой ростовщика, монахов с цепкими, как у крота, лапами. Мы вскроем древние архивы, пахнувшие не ладаном, а прахом и чернилами. Мы увидим, как рождались боги — не в молниях и громах, а в тиши канцелярий, за стопкой пергамента и кувшином дешевого вина. Готовь нервы. Здесь будет жарко.

© Иванов В., 2025

© Автор, 2025

Вано Иванов

БОГИ НА ЖАЛОВАНЬЕ.

Роман-расследование

Глава 1. ШУМЕР: КАМЕННАЯ СКРИЖАЛЬ ДЛЯ БОГА

Душно. От глины, что ли, духотища такая? Нет, не от глины. От страха. Мальчишка лет десяти, с острыми, как у полевой мыши, локтями и вздутым от голода животом, сидит, сторбившись, над сырой табличкой. В руке – тростниковый стиль, тяжелый, неудобный. Солнце Месопотамии, беспощадное, как долг сборщику налогов, льется через щель в тростниковой крыше и палит ему спину. Он – Эн-хеду, сын писца. Пока что – только дубшар, ученик э-дуббы, школы писцов.

Он выводит клинопись. Палочка вдавливается в мягкую поверхность, оставляя угловатые, навеки застывшие следы. Каждый знак – это пытка. «Ан» – звезда, бог Неба. «Энлиль» – владыка Ветра, он же – владыка Приказа. «Энки» – бог Вод и Мудрости, тот, кто знает все – божественные законы и ремесла всех вещей.

«Пиши, щенок! – хрипит над самым ухом старик, его учитель, Ур-Нинтур. Лицо учителя похоже на высохшее русло реки после засухи – весь в трещинах и складках. – Пиши, как боги устали! Как они, подобно людям, таскали корзины с землей, рыли каналы, стонали под ношей! Пиши, как они взбунтовались!»

Эн-хеду пишет. Его стиль выводит историю, которой больше тысячи лет. Историю о том, как младшие боги взмолились к старшим, и как мудрый Энки нашел решение: «Создадим лулу! Создадим Человека! Пусть он трудится вместо нас! Пусть таскает наши корзины!»

И вот он – ключевой момент. Энки смешивает глину с кровью одного из богов, принесенного в жертву. Кровь бога Кингу. **ЖИЗНЬ БОГА, ВПИТАННАЯ В ГЛИНУ.** Первый человек – это не венец творения. Это РАБ, созданный из божественной плоти и крови, но обреченный на рабский труд.

«Понял? – Ур-Нинтур наклоняется так близко, что мальчик чувствует запах его дыхания – старый лук и заплесневелое пиво. – Мы – их собственность. Мы вылеплены из их сущности, чтобы они могли отдыхать. Это и есть **ПЕРВАЯ ПРАВДА**. Та, что записана в камне, а не в воздухе. Вся наша жизнь, вся наша смерть, все наши законы – отсюда. Из этой первой сделки между небом и землей».

Мальчик смотрит на свои пальцы, испачканные глиной. Он – всего лишь продолжение этого стиля. Инструмент для передачи слов. Слов, которые определяют, как будут думать, бояться и надеяться миллионы людей через тысячи лет. В этом душном, пропахшем поземной сыростью сарае, в городе Ур, рождается не просто миф. Рождается **ОБРАЗЕЦ**. Первая скрижаль для будущих законов, первая формула: **БОГ ТРЕБУЕТ – ЧЕЛОВЕК СЛУЖИТ**.

Где-то на улице кричит торговец финиками. Где-то стучат молотки каменщиков, возводящих очередную ступень зиккурата для бога Луны Нанны. Все это – служба. Вся эта цивили-

зация между Тигром и Евфратом, с ее амбарами, законами и армиями – это гигантский механизм, созданный по инструкции, только что выведенной дрожащей рукой мальчика.

Ур-Нинтур отходит, крихтя. Он прошел свой путь. Он знает, что эта «правда» – лишь одна из многих. Что есть мифы, где люди созданы просто так, из любопытства. Но эта – самая полезная. Для жрецов. Для царей. Для тех, кто стоит у подножия зиккурата и смотрит вверх, туда, где в дымке жары мерещится обиталище богов.

«Запомни, Эн-хеду, – говорит старик уже без злости, с каким-то странным, почти отеческим усталым участием. – Боги устали от труда. Но они никогда не устанут от власти. Ты будешь писать для них. Ты будешь писать их волю. И если будешь писать хорошо... может, они позволят тебе есть досыта».

Мальчик кивает. Он еще не знает, что через полторы тысячи лет какие-то другие писцы в другой пустынной земле возьмут этот древний, как мир, сюжет о создании раба из глины и божественной крови, и перепишут его. Уберут пантеон уставших богов. Оставят одного. И назовут это «Откровением». «Вдохновением свыше».

Но суть – та самая, выжженная солнцем Ура и вдавленная в глину: ты принадлежишь не себе. Твоя жизнь – аренда. И за нее придется платить. Вечно.

Первый кирпич в стене будущих небесных империй был вылеплен и обожжен здесь. В душевной школе, под хриплый голос учителя. И от этого кирпича потянулась длинная, темная тень через века.

А за окном, над плоскими крышами Ура, плыло в знойном мареве то самое небо – ан – с которого все началось. Немое. Равнодушное. Еще не расписанное по полочкам, не разобранное на чертоги и престолы. Еще просто небо. Последний момент тишины перед тем, как его начнут делить.

--

Глава 2. ЕГИПЕТ: БОГ УМИРАЕТ, ЧТОБЫ ЖИТЬ

Пыль. Она стояла стеной от земли до самого Ра, пеклушного солнца Египта. Пыль от тысяч босых ног, притоптывающих в такт глухим барабанам. Пыль от времени, взметнувшаяся над Абидосом, городом мертвых, где живые приходили учиться умирать.

В толпе, воню от человеческого пота, чеснока и дешевого масла для светильников, стоял Херихор. Не египтянин. Ханаанейский раб, пастух, купленный за пару медных дебенов для каменоломни. На шее у него – грубый кожаный мешочек с амулетом: ястреб, символ Гора. Купил у странствующего торговца, «для удачи». Но удача не приходила. Только спину гнул, таская глыбы для гробницы какого-то вельможи.

А сегодня – праздник. Мистерии Осириса. Все побежали смотреть. И он, движимый тупым любопытством уставшего животного, припелся.

И вот он видит.

Это не молитва. Это – спектакль. Театр, от которого стынет кровь в жилах, даже высохших от непосильного труда.

На помосте, освещенном факелами, уже брезжившими в наступающих сумерках, разыгрывали историю. Царь-бог Осирис, добрый и справедливый. Его брат Сет, с ослиной головой (или головой загадочного зверя), – бог ярости, пустыни, разрушения. Зависть. Предательство. Сет заманивает Осириса в ларь, запирает, бросает в Нил.

Херихор замер. Его пальцы сами сжали амулет. Он знал это чувство. Зависть брата. Предательство. Он сам был изгнан из семьи из-за козней старшего брата. Сердце забилося чаще.

Дальше – хуже. Изида, сестра и жена Осириса, с распущенными волосами, в отчаянии ищет тело мужа. Находит. И тут Сет является вновь! Он выхватывает тело, рубит на четырнадцать частей и разбрасывает по всему Египту!

В толпе послышались всхлипы. Женщины закрывали лица. Херихору стало не по себе. Такой жестокости он не видел даже от надсмотрщиков в каменоломне. Боги... они оказываются страшнее людей?

Но тут – перелом. Изида, великая волшебница, собирает все части. Все, кроме одной (фаллоса, проглоченного рыбой). Она оплакивает мужа. Ее плач – не ритуальный вой, а настоящая, раздирающая душу песня скорби. Она зачинает от мертвого супруга сына – Гора. И затем... происходит чудо. Не сразу. После долгих странствий, битв (Гор сражается с Сетом, теряет глаз!), судов перед богами...

Осирис воскресает.

Не как тень. Не как призрак. Он встает. Целиком. Обновленный. И становится владыкой Царства Мертвых, судьей душ, победителем смерти.

Тишина повисла над толпой. Потом – взрыв. Ликование, смешанное со слезами. Люди кричали, обнимались. Они только что пережили смерть и воскресение. Они прошли через ад и вышли в рай. Им показали, что самый ужасный конец – лишь начало. Что даже бог может быть предан, убит, расчленен – и все равно вернется. Сильнее. Мудрее. Бессмертнее.

Херихор стоял как парализованный. В его сознании, простом и конкретном, свершился переворот. В его религии боги были далеки, капризны, требовали жертв и иногда помогали в битве. Но они не страдали. Не умирали за кого-то. Не возвращались из небытия для своих детей.

А здесь... Здесь был образец. Совершенный, красивый, страшный. Страдание имеет смысл. Смерть – не конец. Предательство и расчленение – лишь этапы на пути к вечной жизни.

К нему подошел старый египтянин, жрец низшего ранга, с глазами, уставшими от вида тысяч таких же чужеземцев.

– Поражен, сын пустыни? – голос его был сухим, как папирус. – Это – тайна. Великая тайна. Она для всех. Даже для тебя.

– Но... он же бог, – прохрипел Херихор. – Как он мог...

–Умереть? – жрец усмехнулся. – Он умер, чтобы мы не боялись смерти. Он прошел через тьму, чтобы указать нам путь. Его слезы – оросили ниву нашей надежды.

Жрец ушел, растворившись в толпе. Херихор остался один. В ушах еще звучал плач Изиды. В глазах стояло зрелище оживающего бога. Идея, страшная и прекрасная, как ядовитая орхидея, упала в благодатную почву его отчаяния. «Если бог может так... то, может, и избранные среди людей...»

Он не знал, что через сотни лет его далекие потомки, бродя по этим же самым пыльным дорогам, будут рассказывать другую историю. О другом невинном страдальце, преданном, умершем и воскресшем. Они позабудут имена Осириса, Изиды и Сета. Но сценарную канву, архетип, выученный сегодня его, Херихора, сердцем, – они сохраняют до последней запятой.

Он вышел из толпы, ослепленный не солнцем, а откровением. Его спина все еще болела. Но в груди что-то затеплилось. Не надежда на свободу. Надежда на понимание. Теперь он знал: мир устроен не просто жестоко. Он устроен как эта мистерия. Со страданием в центре. И со спасением – в финале.

А на помосте уже готовились к ночному действу. Актер, игравший Осириса, снимал позолоченную маску и пил воду из глиняного кувшина. Он был жив, здоров и думал о том, сколько ему заплатят за сегодняшнее «воскрешение». Бизнес бессмертия работал, как отлаженный ном. И приносил хороший доход.

Пыль постепенно оседала. Но идея, запущенная в мир, уже летела, невидимая и неостановимая, чтобы найти свое новое воплощение.

--

Глава 3. ХАНААН: СЕМЕЙНАЯ ССОРА НЕБЕС

Тишина в чертогах Эля была особенной. Не мертвой, а тяжелой. Как воздух перед ливнем в горах. Здесь, на вершине горы Цафон, на севере Ханаана, пировал Верховный Бог. Эль, «Седовласый», «Творец творений», восседал на троне, выпиленном из цельного кедра. Борода его, белая, как пена прибоя, струилась до самого пола, усыпанного лепестками лотоса. Лицо – доброе, усталое, мудрое. Лицо отца, который все видел и все понимал, но чье терпение не бесконечно.

Вокруг, на ложах из слоновой кости, покрытых шкурами львов, возлежали семьдесят его сыновей. Элохимы. Боги народов земли. Шум стоял, как на базаре в Угарите: звон кубков, смех, споры. Вот Баал-Хаддад, бог грозы, могучий и буйный, с бицепсами, как у быка, хвастался, как разнес в щепки корабль Яма, владыки Моря. Вот хрупкая и страстная Анат, дева-воительница, точила кинжал, мечтая о новой битве. Вот хромой Котхар-ва-Хасис, бог ремесла, что-то чертил на глиняном черепке. А в тени, у дальней колонны, стоял он.

Яхве.

Он не пил меда. Не смеялся. Он стоял, прислонившись к каменной стене, закутавшись в простой темный плащ путника. Лицо его, обожженное солнцем южных пустынь, было непроницаемо. Только глаза, серые, как пепел после пожара, медленно скользили по пирующим бра-

тням. В них не было ни веселья, ни зависти. Была оценка. Холодная, безжалостная, как взгляд мясника на стадо.

Эль заметил его взгляд. Старый бог вздохнул, отставил кубок.

–Сын мой. Подойди.

Тишина упала мгновенно. Все семьдесят сыновей замерли. Баал нахмурил свои густые брови. Анат настороженно сжала рукоять кинжала. Яхве оттолкнулся от стены и пошел к трону. Шаг его был тих, но поступь тверда. Он не кланялся. Просто остановился, глядя отцу в глаза.

–Отец.

–Ты не разделяешь веселья семьи, – сказал Эль. Голос его был мягок, но в нем звучала сталь.

–Я наблюдаю за ее распадом, – ответил Яхве. Голос – низкий, с хрипотцой, будто испорченный вдыханием пустынных ветров.

В зале прошелся возмущенный ропот.

–Распадом? – Баал поднялся, могучее тело напряглось. – Пока мы пируем, мир стоит! Реки текут, хлеб зреет, женщины рожают!

–Мир гниет, – не повышая тона, парировал Яхве. – Он тонет в распутстве твоих жрецов, Баал. В слабости твоих законов, отец. Они, – он мотнул головой в сторону братьев, – раздают свои милости всем подряд, как блудницы медяки. Нет порядка. Нет страха. Нет чистоты.

–А ты что предлагаешь? – вступила Анат, сверкнув глазами. – Больше страха? Мы – боги жизни, а не смерти!

–Я предлагаю выбор, – сказал Яхве. Его слова падали, как капли расплавленного свинца. – Не вседоступную милость. Не пантеон, где каждый выбирает, кому молиться сегодня. Я предлагаю Завет. Договор. С одним народом. Избранным. Чистым. Он будет моим. А я – буду его. Только его. И я выведу его, и дам ему землю, текущую молоком и медом, и уничтожу всех его врагов перед ним.

В зале повисло ледяное молчание. Такого еще не предлагал никто. Боги владели стихиями, городами, ремеслами. Но владеть одним народом, душой и телом, вечно, на условиях беспрекословного послушания? Это была не религия. Это была сделка. Жесткая, беспощадная.

–Ты хочешь создать рабов? – тихо спросил Эль. В его глазах мелькнула глубокая печаль.

–Я хочу создать инструмент, – честно ответил Яхве. – Острое, чистое железо в моей руке. Чтобы провести черту. Чтобы отделить свет от тьмы, своих от чужих. Ваш мир, отец, – он широким жестом обвел пиршественный зал, – он кончится. Он слишком стар, слишком терпим ко греху. Придет новый. Простой. Жесткий. Ясный. И в нем будет место только для одного престола.

Баал грохнул кулаком по столу.

–Это бунт! Ты хочешь свергнуть совет богов!

–Совет богов себя изжил, – холодно констатировал Яхве. – Я не свергаю. Я... замещаю.

Эль закрыл глаза. Он все понял. Этот сын, пришедший с юга, с палящих пустынь, где выживают только самые жесткие, принес с собой нового бога. Не семейного, не отчего. Бога-Вождя. Бога-Царя. Бога-Господина.

–Уходи, сын мой, – сказал старый бог, не открывая глаз. – Иди и делай, что должен. Но помни: тот, кто начинает делить мир на «своих» и «чужих», рано или поздно оказывается в одиночестве.

Яхве медленно кивнул. Он не ждал благословения. Он пришел объявить войну. Тихую, холодную, на уничтожение. Он развернулся и пошел к выходу. Его темный плащ мелькнул в дверном проеме – и скрылся.

Тишина в чертогах Эля стала еще тяжелее. Это была уже не тишина ожидания. Это была тишина после приговора.

Баал мрачно налил себе вина.

—Сумасшедший. Одиноким волк. Он ничего не добьется.

Эль открыл глаза. В них была бесконечная усталость.

—Ошибаешься, сын мой. Он добьется всего. Потому что он предлагает людям простой ответ на сложный мир. И потому что он не боится быть жестоким. А люди... люди всегда тянутся к силе, которая обещает им порядок ценой их свободы.

Он посмотрел в ту сторону, где исчез Яхве.

—Мы дали им мифы. Он даст им закон. Железный закон. И они выберут его. Они всегда выбирают тюремщика, если он называет себя спасителем.

Пир был окончен. На небесах Ханаана произошел тихий, но окончательный раскол. Двое богов — отец и сын — разошлись. Один остался править угасающим миром терпимости и изобилия. Другой ушел создавать новый мир — мир дисциплины, страха и избранничества.

И где-то внизу, в долинах, люди, ничего не подозревая, продолжали пахать землю и молиться каждому из семидесяти богов по очереди. Они не знали, что их будущее только что решилось в беседе, которую они никогда не услышат. И что скоро им придется выбирать. Или за них выберет тот, кто не терпит выбора.

—

Глава 4. ИЕРУСАЛИМ: ЖЕНА, КОТОРУЮ ЗАМОЛЧАЛИ

Дом Ахимааца, торговца оливковым маслом, пах уютно и богато. Пахло деревянными бочками, сушеными травами, дорогим кедром, которым были отделаны стены. Иерусалим времен царя Иосии, конца VII века до нашей эры, спал под пологом теплой ночи. Но в доме не спали.

В маленькой, тайной комнатке, куда не заходили даже слуги, у стены стоял невысокий глиняный алтарь. На нем — грубо вылепленная, но тщательно раскрашенная фигурка женщины. Широкие бедра, подчеркнутая грудь, руки, простертые в благословляющем жесте. Это была Ашера. А рядом — маленькая каменная стела с выбитым именем: YHWH.

Перед алтарем, на коленях, сидела Мирьям, жена Ахимааца. Она тихо напевала, качая в такт головой. В руках у нее были миниатюрные гранаты из обожженной глины — символы плодородия. Она просила. О ребенке. О здоровье мужа. О том, чтобы масло в бочках не прогоркло.

Так молились ее мать, и бабка, и прабабка. Богу Яхве и его Супруге. Так было всегда. Во всем Израиле и Иудее. От простых хижин до... поговаривали, что и в самом Храме Соломона, в святой святых, много лет стоял священный столб — ашера. Женское начало Бога. Его милость, его утешение, его дающая жизнь сила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.